

сам хотят привить любовь к России), то перепутать время вылета и время прилёта не составляет никакого труда. Я прибыл в Шереметьево не ко времени вылета — 08:40, а ко времени прилёта (10:50) моего рейса в конечный пункт — в Ставрополь. И хотя самолёт ещё был в аэропорту и только готовился к старту, о чём по мобильнику сообщил мой напарник, благополучно находившийся на борту, меня к нему не пустили. Билет, приобретённый принимающей стороной, взять назад и выдать компенсацию за него отказались, лететь теперь предстояло за свой счёт. В здании аэропорта, в секторе F, нашёл филиал Сбербанка России, а в нём как раз на этот момент началась работа инкассаторов, пришлось ждать, пока они закончат выемку или загрузку денежной массы. Лишь после этого можно было рассчитывать на получение нужной суммы, чтобы купить новый авиабилет.

Снимаясь в кино и подолгу ожидая своего выхода на съёмочную площадку, я научился терпеть, поэтому стою без нервного надрыва. Знаю, что по-любому всё успею. А народ вокруг мечется: особенно мужик, передо мной стоявший с биркой «Такси» на груди. Ему, как я понял, в срочном порядке необходимо либо поменять свои деньги на мелкие, либо внести на карту выручку. И он, как заведённый, то уйдёт куда-то, то вернётся в поиске, видимо, возможных вариантов с какими-нибудь ещё терминалами. Наконец, мимо нас продефилировал внешне сильно похожий на мужика, стоявшего впереди меня, его коллега с точно такой же биркой «Такси» на груди, но без интереса к терминалам. Мужик завистливо спросил:

— О! Как? Ты успел до прибытия инкассаторов здесь побывать?!

— Ну, Егор? — с укоризной заметил шедший мимо коллега. — У тебя же глаза спереди, а у нормальных людей везде!

И мне захотелось стать таким же нормальным, как он.

* * *

Накануне вылета в Ставрополь позволил выдающийся романист Игорь Ниженко, попросил написать статью о его новой книге и напомнил, что он-то писал обо мне.

Я на это долго молчал, затем вздохнул и чистосердечно сознался:

— Игорь! Ты такой глубокий писатель. Мне тебя не постичь!

* * *

Превосходную формулу извлекла из современного российского бытия литературы и искусства неподражаемая русская писательница Вера Галактионова:

— У кого власть, — заявила она, — тот и талантлив!

* * *

Вообще на гадости у нас гораздо щедрее народ (писательский, я имею в виду), чем на любезности. Но сегодня вечером Владимир Степанов, поэт из Тверской области, нежданно-негаданно очень классный комплимент преподнёс. Он подсел ко мне за стол в Нижнем буфете ЦДЛ и говорит:

— Я тебе книжку свою сейчас подарю, — и подписывая, начал придуриваться: мол, забыл, как меня зовут и фамилию не помнит.

Я сказал:

— Пиши бесфамильно.

— Ну, нет! — не согласился он.

Тогда, смеясь и подыгрывая ему, я сообщил:

— Юрий Конопляников меня зовут!

— А-а! Ну, да! — порадовал Степанов. — Ты же автор маленьких романов... — хотел он, подписав книгу, сказать ещё что-то восторженное, но не стал, а поднялся и пересел к столу, за которым его писательские компаньоны продолжали пить водку.

* * *

Нынешняя жизнь — надо с сожалением заметить — похожа на свалку, где всё (нужное и ненужное) свалено до кучи и на бытовом, и на политическом уровне.

Денис МИНАЕВ

Мне бы в юность...

Шумным городом душу изранив,
Жизнь тащу, закусив удила.
Мне бы в юность...

Да в русскую баню,
Чтобы с паром духмяным была.

А ещё бы ворваться с разгону
В бой кулачный село на село.
И в напарниках с месяцем ярким
Обсуждать: где кому повезло...

Ночью сдать объятиям жарким,
Смять с девчонкой траву на лугах.
И в напарниках с месяцем ярким
От отца её скрыться в бегах...

А потом с рассветающим небом,
Искушавшись в холодной реке,
Влезть в окошко домой.

И без хлеба
Захлебнуться в парном молоке.

Старик

А он шепчет во сне: «Мила!
Потерпи там...
Чуть-чуть осталось...»
Катя Селюк

Утро...

Собаки взрывают нехоженый снег.
Как бесподобны, наверное,

их ощущения...
Где-то в сторонке идёт пожилой человек.
Он незаметен.

Безмолвен.
Придавлен забвеньем.

Нетороплив. Он давно никуда не спешит.
В память о юности славной —

лишь пара медалей.
Все остальные награды зятя-алкаши
За самогонки пол-литра
с похмелья продали.

Дочки,
которым он всю свою жизнь посвятил,
Не забывают —

в дни пенсий приходят исправно,
Но ненадолго — нет времени,
нервов и сил, —
Так что не стоит их помощи ждать
и подавно.

Мог ли подумать в войну боевой офицер,
Что он заслужит
такую «счастливую» старость?

Мог ли представить,
фашиста беря на прицел,
Что благодарность ему будет меньше,
чем малость?

В драповом, пахнущем дурно,
потёртом пальто

Бродит старик,
стеклотару с земли поднимая.
Около мусорных баков не видит никто
Тусклого взгляда героя победного мая.

Вечером дома дешёвую сварит лапшу.
Съест безразлично.

Один.
И нахлынет усталость.
Скажет, на фото супруги смотря:

«Я спешу...
Ты потерпи
там,
родная...
Недолго осталось...»

* * *

По плодам их узнаете их.
из Нагорной проповеди Иисуса Христа

(вместо пролога)
Злось...

Душа моя не на месте...
Пребываю я в шоке полном...
Покупал незнакомец крестик.
Молвил: «Дайте с гимнастом голым»...
.....

Представляется нам хорошим
Всё, что делаем на планете.
Даже вдруг окажись мы в прошлом —
Эдак двадцать назад...

столетий, —
Нам бы не было стыдно, плохо.
Мы б смотрели, как представленьё:
Человек... один!.. на Голгофу
Крест...

наш!..
тащит...
во искупленьё...

Мы бы начали делать ставки:
«Упадёт...»

Донесёт...
Всё. Bravo!!!»
«Ой, смотрите, кого-то в давке
Затоптали»...

Аншлаг!!!
Забава!!!

А потом, позабыв о каре,
Предались бы мы снова блуду.
И нажравшись, в хмельном угаре
Стали все обнимать Иуду —
Лицедея бессмертной драмы,
Что поставлена гениально.
Показушно всплакнули б... дамы,
Привлекая самцов брутальных...

Мне бы в юность...

А в ближайшее воскресенье
Побежали б мы ставить свечи.
Просто так...

Заодно со всеми...

И не каялись...
«Нам же не в чем, —
Ведь не мы «мужика» прибили
К кипарисовым деревьяшкам.
Сам избрал свою не по силе
Ношу.

Ведал, что будет тяжко»...

(вместо эпилога)
О Господь, Ты прости заблудших,
Научи соблюдать заветы,
Изничтожь бесовщину в душах,
Помоги обратиться к Свету.

Грусть на пороге зимы

Полусонные мухи сказали,
что скоро зима.
Скоро влезу в носки шерстяные
в угоду погоде

И уйду в заточенье.
Пригреет квартира-тюрьма.
Здесь тепло и уютно,
и даже спокойно мне вроде.

Заоконный экран заведёт
затяжной сериал
О заснеженной серости будней,
где дом и работа.
И со мной разделять вечера
будет только бокал —
В нём сухое вино
или вяжущий чай с бергамотом.

Будет душу мою согревать
кем-то брошенный кот
В дни, когда полуснег,
полудождь,
полудухлое солнце.
Мне останется лишь ожидать,
что всё скоро пройдёт,

И весна,
как блудница домой,
непрерывно вернётся...

Прогулка в лесу

Тёплый дождь по земле лупит хлёстко...
Я с любимой по лесу иду.
Глянь, вальсируют клён и берёзка
У сосновой толпы на виду.

Им, как нам, наплевать на косые
И завистные взгляды дерев.
Мы гуляем с тобою босые,
От июльского дня одурев.

Обнажает шикарное тело
Сарафан твой —
До нитки промок.
Сердце бьётся моё оголтело
И стучится морзянкой в висок.

Страсть совсем переполнила душу.
Хмель и счастье в моей голове...
Никому не расскажет опухка
О безумной любви на траве...

Хлебное поле

Сяду я на лихого коня
И — стрелой — по хлебному полю.
Нет, никто не отыщет меня,
Не отнимет раздолье и волю.

А потом, отпустив жеребца,
Я без сил упаду, словно пьяный.
Буду жадно вдыхать без конца
Запах жаркого лета духмяный.

Все хлеба, как один колосок,
Наклонились к земле, даже слишком.
Хоть уже серебряный висок,
Здесь я — тот же курносый мальчишка.

Здесь я — тот же повеса и плут,
Стану снова героем античным,
Или спрячусь, иначе — побьют
За куренье с дружкой закадычным.

Золотые мои колоски,
Возвратите мне золото в волос...
Ладно...
Хватит рвать душу в куски...
Не дрожи, мой «уверенный» голос...

Лес

Мне б сейчас по лесу погулять.
Скинуть напрочь груз дорог столичных.
И сосну обнять, как в детстве мать,
Позабыв о неудачах личных.

Выйти на поляну босиком.
Опьянеть от аромата хвои —
Этот запах сызмальства знаком,
Обжигает лёгкие до боли.

Лес, родной мой!..
Друг мой дорогой!..
Только ты мои излечишь раны.
Лишь к тебе с душой своей нагой
Заявиться можно и незванным.

Лишь тебе пожаловаться я
На судьбу свою могу, как раньше.
И в кристальность юного ручья
Без стыда поплакаться,
без фальши.

А когда, очистившись сполна,
Я пойму, что жизнь моя — награда,
Буду вновь готов испить до дна
Сотни порций будничного яда...